

Глава 12

Полунаставнические узы

— Этот человек... он ещё жив... он жив! — пробормотал Истинный Сюйюнь.

Он топнул ногой, и на его морщинистом лице, исказившемся до неузнаваемости, отразилась не то мука, не то радость. В этот миг он растерял всё своё величие и холодное достоинство, став до смешного жалким.

Сун Цяньцзи молчал.

«Вам так сложно было проверить, жив Сянь Цзяньчэнь или мёртв? — думал он. — Просто выкрикивайте его имя в Дворце Цянькунь. Молния ведь не убивает. Даже если делать это трижды в день, просто будет немного шумно. Какую же психологическую травму он вам нанёс, что целая группа сильнейших мастеров предпочитает прятать головы в песок, словно страусы?»

Он, однако, забыл, что «страусы» тоже выбирают, с кем им иметь дело.

— Щенок, смерти ищешь!

Яростный рёв, подобный раскату грома, и огненная вспышка устремились прямо в лицо Сун Цяньцзи. Точнее, это была обжигающая, как пламя, энергия меча. Весь зал мгновенно наполнился жаром.

Среди пяти владык пиков школы Хуавэй самым вспыльчивым был Чжао Тайцзи, владыка Пика Красной Воды. В порыве гнева он нанёс смертельный удар, намереваясь на месте уничтожить этого ученика внешней школы, навлекшего на них столь великую беду!

Но Сун Цяньцзи не шелохнулся. Энергия меча приблизилась вплотную, и горячая волна взметнула волосы на его лбу. Со стороны казалось, что он застыл от ужаса.

За мгновение до того, как энергия меча пронзила бы ему горло, перед ним возникла тень.

Истинный Сюйюнь взмахнул широким рукавом.

Испепеляющий жар в зале исчез без следа. Лишь холодный лунный свет по-прежнему косо падал на глазурованную плитку.

— Старший брат?! — в гневе и изумлении воскликнул Чжао Тайцзи. — Зачем ты меня

остановил?!

— У этого юноши и того человека были полунаставнические узы! — ответил Истинный Сюйюнь.

Больше не обращая на него внимания, он повернулся к Сун Цяньцзи:

— Учитывая, что ты совершил это по незнанию, я прощу тебя на этот раз! Но запомни: в этом зале никогда нельзя произносить это имя!

— Ученик понял.

Выражения лиц пяти владык пиков изменились.

Полунаставнические узы?

Они смерили Сун Цяньцзи новым, сложным, тяжёлым и пронизывающим взглядом, изучая его с головы до ног, снаружи и изнутри.

Юноша лет четырнадцати-пятнадцати, в поношенной одежде и простой матерчатой обуви, которые, однако, не могли скрыть его привлекательности. Он держался учтиво, но без раболепия или страха. Он стоял в великолепном бессмертном дворце с такой уверенностью, будто вернулся к себе домой, а они, могущественные старейшины, были здесь всего лишь гостями.

Им не нравилась эта уверенность, потому что она напоминала им о «том человеке» в его рваном халате.

Чжао Тайцзи, только что в гневе нанёсший удар, почувствовал, как дёргается уголок его глаза. Он сжал кулак в рукаве, но в конце концов разжал его.

В мире осталось очень мало «живых», знавших имя Сянь Цзяньчэня. Те, кто не встречал его, но преклонялся перед ним, называли его «старец Бог Меча». Те же, кто видел его и боялся, осмеливались говорить лишь «тот человек» или «тот меч».

Пока «тот человек» жив, над Дворцом Цянькунь школы Хуавэй, над головами её главы и владык пиков будет висеть острый меч. Это было табу, тайна и, что важнее всего, позор.

Кто бы мог подумать, что сегодня какой-то ученик внешней школы, в своей испачканной грязью матерчатой обуви, войдёт в Дворец Цянькунь, словно на вечернюю прогулку, и так просто и прямо всё раскроет. Он был низок по статусу, ещё ниже по уровню развития, и при этом выглядел совершенно невинным, что вызывало крайнее раздражение.

Но ничего с ним поделать было нельзя.

Потому что тот человек встретил его, обучил и оставил для них послание.

Истинный Сюйюнь, снова вспомнив эти слова, теперь видел в них не дружеское напоминание, а насмешку и укол:

— Лотос в Мёртвом море опадает, врата жизни в облаках открываются.

Каждое слово било его по лицу.

Его попытка прорваться на ступень Превращения в божество провалилась, и для исцеления ему требовался «Серебряный лотос Мёртвого моря». Но Мёртвое море было огромно и полно опасностей, а серебряный лотос обладал особой духовной природой: он цвёл лишь одну ночь, а затем увядал. Сюйюнь отправил своих доверенных людей на поиски, но они вернулись ни с чем, и он уже почти отчаялся.

А Сянь Цзяньчэнь просто нашёл случайного ученика внешней школы и передал через него: «врата жизни в облаках открываются», намекая, что искать нужно в Проливе Зарождающихся Облаков в Мёртвом море.

Эта манера — давать указания по прихоти, мимоходом — была точь-в-точь как в тот день, когда он так же небрежно указал на него, назначая главой школы.

Глядя на небрежный почерк Сун Цяньцзи, Сюйюнь словно видел улыбающегося Сянь Цзяньчэня, который говорил ему:

«Ты смог стать главой школы и продержаться на этом посту двести лет не потому, что ты на это способен. А просто потому, что мне так захотелось»

Он беззвучно вздохнул и, обращаясь к Сун Цяньцзи, вновь обрёл своё величие и спокойствие, заговорив почти как добрый наставник:

— Тот старший, что обучал тебя, сотни лет назад тоже был учеником нашей школы. Просто позже возникли некоторые недоразумения, и он покинул школу, отправившись в странствия. Раз он признал тебя, я должен был бы продолжить твоё обучение...

Сун Цяньцзи изобразил на лице воодушевление и посмотрел на него сияющим взглядом.

— Но его статус слишком высок, — продолжил Сюйюнь. — Хоть вы и не были официально учителем и учеником, по сути, ваши отношения были именно такими. Если я приму тебя в ученики, это нарушит порядок старшинства. Не только я, но и любой владыка пика или

старейшина школы Хуавэй не может пойти на такое.

На лице Сун Цяньцзи отразилось разочарование.

— Техники сокрытия дыхания и лёгкого тела, которым ты обучился, были созданы тем старшим уже после ухода из школы, так что они действительно не считаются нашими техниками, — сменил тему Сюйюнь. — Дело ученика по фамилии Мэн из Зала Порядка мне уже известно. Он был невиновен, но в школе есть свои правила. Просто отпустить его было бы нарушением этих правил и не убедило бы остальных!

Сун Цяньцзи снова сделал обеспоенное лицо:

— И как же с ним поступят?

— Лишать его уровня развития не нужно. Но придётся попросить его покинуть гору, — с сожалением вздохнул Сюйюнь, хотя слова его были жестоки. — Ты обучал того ученика из добрых побуждений, но невольно навредил ему. Теперь его жизнь и смерть — в руках судьбы.

Сун Цяньцзи поклонился:

— Раз это моя вина, я готов понести за него наказание и добровольно покинуть гору!

— Правда? — Сюйюнь не ожидал, что всё пройдёт так гладко, и на миг опешил. — Ты добровольно согласен и клянёшься не затаить обиду?

— Я согласен по доброй воле!

Сюйюнь обеими руками помог ему подняться, повторяя:

— Хороший мальчик, хороший мальчик! Завтра ты покинешь гору, я непременно пришлю людей проводить тебя!

«Всё-таки юношеский нрав, — подумал он. — Стоит его немного поддеть, и он уже готов строить из себя героя»

Сун Цяньцзи тоже улыбнулся:

— Не смею утруждать главу школы.

«Какой понятливый человек, — подумал он в ответ. — С тобой так приятно иметь дело!»

Пятеро владык пиков обменялись взглядами. Они тоже не ожидали, что всё решится так просто, и облегчённо вздохнули. Они боялись, что Истинный Сюйюнь уклонится от ответственности и поручит кому-то из них стать наставником Сун Цяньцзи. Если этот щенок будет постоянно маячить перед глазами, он будет напоминать о «том человеке», и ненависть по ассоциации станет невыносимой.

Убить нельзя, принять в ученики — тоже. Старая лиса Сюйюнь всё же оказался самым хитрым: парой фраз обвёл мальчишку вокруг пальца и избавился от него. С глаз долой — из сердца вон. Даже если этот юнец потом одумается и пожалеет, он будет винить того ученика по фамилии Мэн, а не их.

Сун Цяньцзи снова поклонился и откланялся.

Шесть могущественных практиков школы Хуавэй проводили его добрыми улыбками. Атмосфера была настолько гармоничной, что становилось жутко.

Выйдя из зала, Сун Цяньцзи первым делом увидел не море облаков и ясную луну, а тех двух учеников из Зала Порядка.

— Он и правда вышел! Целый и невредимый! — выпалил тот, что повыше.

Сун Цяньцзи в хорошем настроении кивнул им.

Втроём они отправились в обратный путь и ступили на Мост Уходящей Воды.

Высокий обернулся и сказал:

— Странно всё-таки. Внезапно ударил гром, поднялся ветер. Я уж думал, меня молнией убьёт!

Низкий хмыкнул:

— Если совесть чиста, то и молнии бояться нечего!

По пути туда они шли впереди, указывая дорогу. На обратном пути Сун Цяньцзи шагал так быстро, что им пришлось бежать за ним.

— Ты когда в следующий раз пойдёшь в подпольное казино вниз? — спросил высокий. — Меня зовут Цю Дачэн, а его — Сюй Каншань. Давай дружить, будем с тобой ставки делать!

— Я завтра покидаю гору. В казино не пойду.

— А когда вернёшься? — спросил Сюй Каншань.

— Уже не вернусь.

Цю Дачэн замер, а затем вскрикнул:

— Тебя выгнали?!

Сун Цяньцзи кивнул.

Сюй Каншань подпрыгнул:

— Да ладно! Столько мучений этой ночью, и в итоге ты всё равно взял вину на себя за своего невезучего братца. К чему всё это было?

Они посмотрели на Сун Цяньцзи, но на его лице не было и тени обиды. Наоборот, он излучал тихую радость. Озадаченные, они поплелись за ним, и чем дальше смотрели на его спину, тем более величественной она им казалась.

Как высокая гора, на которую взираешь с почтением.

И почему-то они даже немного завидовали Мэн Хэцзэ.

Небо ещё не посветлело, а узелок Сун Цяньцзи уже был собран. Впрочем, вещей у него почти не было. Меч он решил не брать, так что в узелке лежала лишь старая одежда. Было немного жаль только что вскопанной земли во дворе, на которой он так и не успел ничего посадить.

Истинный Сюйюнь велел ему уходить «завтра», поэтому Сун Цяньцзи не стал сбегать среди ночи. Это выглядело бы слишком поспешно и могло вызвать подозрения, заставив того передумать. Он хотел улизнуть незаметно, пока Мэн Хэцзэ лечится в лазарете, а Чжоу Сяюнь и другие ученики внешней школы заняты своими делами. Поэтому он запер ворота двора, делая вид, будто всё ещё находится на главном пике и не вернулся.

Он не ожидал, что те двое учеников из Зала Порядка, Цю Дачэн и Сюй Каншань, пойдут и всё разболтают. В результате Мэн Хэцзэ, услышав новости, вскочил со смертного одра и велел принести себя сюда на носилках.

— Мы пришли извиниться, — первой заговорила Чжоу Сяюнь. — Прости, старший брат Сун, мы раньше во многом ошибались на твой счёт.

Лицо девушки покраснело, но голос её был твёрдым и громким. Она решительно поклонилась. Стоявшие за ней хором выкрикнули извинения.

Сун Цяньци приложил руку ко лбу.

— Старший брат Сун, какой у тебя меч? Можешь показать? — спросила Чжоу Сяюнь.

— Зачем? — удивился Сун Цяньци.

Один из учеников, ранее оскорблявший его, смущённо почесал затылок:

— Мы тут собрали немного денег, хотим купить тебе хороший меч.

— ...Не нужно.

— Старший брат Сун, пожалуйста, не отказывайся! Позволь нам сделать для тебя хоть что-то.

— Правда, не нужно. Меч мне больше не понадобится, — Сун Цяньци улыбнулся, и улыбка его была искренней и лёгкой. — Я сегодня покидаю гору!

Маленький дворик внезапно погрузился в мёртвую тишину.

Слышно было лишь, как ветер срывает лепестки с цветов. Даже щебет сорок на ветвях стал каким-то тоскливым.

Мэн Хэцзэ, лежавший на носилках, до этого молчал. Теперь он произнёс:

— Нет.

Голос его был хриплым. Лицо, бледное как у призрака, с ввалившимися глазами, было устремлено на Сун Цяньци.

— Не думай лишнего, — Сун Цяньци посмотрел на небо. — Я сам захотел уйти. Посмотри на эту гору Хуавэй: красные цветы цветут, жёлтые листья опадают, бирюзовые облака сменяются пурпурными... кажется, этому нет конца. А у смертных всё иначе. Жизнь коротка, несколько десятков лет пролетают в мгновение ока.

Он подумал, что ещё несколько дней назад был одержим идеей достичь бессмертия, и внезапный отказ от неё выглядел бы нелогично. Лучше притвориться разочарованным и опустошённым.

— Три года на горе Хуавэй... буду считать, что это был просто сон, — с чувством заключил Сун Цяньцзи.

Кадык Мэн Хэцзэ дёрнулся, голос его задрожал:

— Старший брат Сун, ты самый трудолюбивый и выдающийся человек, которого я когда-либо встречал. Твой путь не должен так закончиться.

Чжоу Сяюнь и остальные тоже смотрели на него с грустью. Они больше не звали его Сун Ло, а лишь скорбно повторяли «старший брат Сун».

— В мире нет «должен» или «не должен», есть только «могу» или «не могу», — утешил их Сун Цяньцзи. — Всё решает судьба, а у меня, видимо, её нет.

Судьба? Тот, кто строил козни, возносится, а мечты старшего брата Суна о великом будущем разбиты. Остаётся лишь проклинать слепые небеса.

В груди Мэн Хэцзэ закипела волна негодования, от которой его глаза покраснели.

«Как Сун Цяньцзи может смириться с судьбой? Какое он имеет на это право? Тот, кто однажды увидел путь к небесам, неужели сможет снова стать простым смертным!»

— Я не позволю тебе опуститься до жизни простолюдина! Пока я дышу, я помогу тебе взойти на путь бессмертия! — юноша внезапно поднял руку и, указывая на небо, поклялся: — Я, Мэн Хэцзэ, клянусь, что когда достигну высот в совершенствовании, я непременно вернусь за тобой! А если нет...

— Кхм-кхм! — Сун Цяньцзи недоверчиво выпучил глаза и поспешно опустил его руку.

«Мы с тобой ни враги, ни соперники, за что ты так настойчиво пытаешься мне навредить?!»

— Старший брат Сун... — Мэн Хэцзэ хотел сказать что-то ещё, но внезапно налетевший порыв ветра принёс с собой алую тень.

Не постучав, она с ноги вышибла дверь и ворвалась во двор, словно в школе Хуавэй не было места, куда бы она не могла войти.

В её волосах покачивалась шпилька в виде бабочки, отражая утренние лучи солнца и трепеща при каждом шаге. На ней было алое платье, а на поясе висел длинный хлыст.

Мэн Хэцзэ и остальные не знали её, но по её наряду и манере поведения догадались, кто она. Они замерли в тревожном недоумении и замолчали.

Сун Цяньцзи тоже на миг застыл.

Прошлой ночью во Дворце Цянькунь глава школы сказал, что завтра прийдёт кого-нибудь проводить его. Но Сун Цяньцзи подумал, что это была лишь вежливость, чтобы поторопить его с уходом.

«Ну что ж, если проводят, то уйду ещё быстрее», — решил он.

Сун Цяньцзи немедленно попрощался с Мэн Хэцзэ и остальными:

— Мне пора, не будем больше говорить.

Затем он повернулся к Чэнь Хунчжу и, не дожидаясь её слов, улыбнулся, глядя на неё как на вестницу удачи:

— Благодарю за беспокойство, старшая сестра Чэнь.

При виде его взгляда Чэнь Хунчжу изменилась в лице, словно что-то вспомнив, и тут же пришла в ярость:

— Чего смеёшься?! Не смей смеяться!

Сун Цяньцзи перестал улыбаться и взял свой узелок:

— Хорошо, пойдём.

— Подожди, — хмыкнула Чэнь Хунчжу. — Сначала поблагодари меня!

Сун Цяньцзи не стал спрашивать, за что.

— Большое спасибо, старшая сестра Чэнь.

— Конечно, ты должен меня благодарить! — рассмеялась Чэнь Хунчжу, довольная его послушанием. — Я принесла тебе хорошую новость!

У Сун Цяньци внезапно возникло дурное предчувствие.

<http://bllate.org/book/16982/1583028>